

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА МОРИ ОГАЙ

Один из самых значительных писателей нового времени Мори Огай (1862–1922) в последнее десятилетие своего творчества писал по преимуществу на исторические сюжеты. Первоначальным толчком, который побудил его обратиться к этой тематике, послужила смерть императора Мэйдзи (1912 г.). В день похорон императора генерал Ноги Марэскэ, под началом которого Огай (будучи по образованию и роду деятельности военным врачом) служил в русско-японскую войну, совершил ритуальное самоубийство. Эта акция в духе старинных самурайских заповедей "кодекса воина" (бусидо) произвела на Огай глубокое впечатление.

Всего за сутки он написал тогда повесть "Посмертное письмо Окицу Ягоэмона" (Окицу Ягоэмон-но исё, 1912) – историю самурая, который в XIII в. "ушел вслед" за своим почившим сюзереном – князем Хосокава. Перед тем, как совершить харакири, Окицу Ягоэмон составляет письмо – завещание сыну, внукам и правнукам с честью служить их древнему роду. В декорациях токугавского средневековья Огай как бы проигрывал драму ритуала совершенного несколько дней назад.

Большинство дальнейших исторических сюжетов почерпнуто из эпохи позднего феодализма (Токугава), когда складывались устои, продолжавшие воздействовать и на современников Огай. Внимание автора сосредоточено на обычаях и нравах самурайского сословия, из которого он, кстати, происходил сам.

В повести "Семейство Абэ" (Абэ итидзоку, 1913) умирает владетельный князь-даймё и "вслед за ним" уходят из жизни восемнадцать его вассалов. Как предписывал кодекс чести, они, скрывая свои страдания, с улыбкой вспарывали себе животы.

Откровенно восхищаясь их незаурядным мужеством, Огай вместе с тем проявляет и критическое отношение к морали "бусидо". Внимательное чтение повести убеждает читателя, что жестокому "кодексу чести" люди следовали вынужденно, иного выхода в существовавших тогда условиях у них не было.

В трагическом свете предстает судьбы японских воинов из повести "Инцидент в Сакаи" (Сакаи дзикэн, 1914). Моряки с французского судна бесчинствовали в портовом городке Сакаи, в стычке с местным отрядом охранения среди них оказались убитые. Претензии французского консула вынудили японские власти приговорить двад-

цать своих солдат к публичному совершению харакири. Огай показывает трансформацию "бусидо" по мере приближения к новому времени. Во второй половине XIX в., когда происходит действие "Инцидента в Сакаи", отношение к "долгу смерти" уже явно иное. Тех, кому по стечению обстоятельств удалось избежать этой злой участи, уже никто не осуждает, напротив, за них радуются.

Таким образом, в начале нынешнего века, когда официальная пропаганда империалистической Японии, подогревая чувства лояльности и патриотизма, реанимировала ценности морали "бусидо", Огай ставит под сомнение ее универсальность, показывая ее жестокость, неоправданность человеческих потерь.

Особое место в исторической прозе Огай занимают биографии средневековых ученых. Такова биографическая повесть "Госпожа Ясуи" (Ясуи Фудзин, 1915), посвященная ученому-конфуцианцу Ясуи Соккэн (Тухэй, 1799-1876) и его жене. Путь Соккэна прослеживается от его детства в деревенской глуши и до блестящего положения советника при дворе сёгуна - верховного военного правителя страны.

Госпожа Ясуи - красавица Осаё исполняла свою роль спутницы ученого с великой самоотдачей. В ее лице Огай представил свое понимание женского идеала. Осаё с достоинством переносила все невзгоды и ничего не требовала для себя. До той поры, когда муж достиг высокого положения и получил роскошный особняк с "башней для любования луной", она не дождалась. Но все ее существование как бы озарялось далекой целью, которую, пишет автор, она и сама вряд ли могла бы определить словами.

Вершиной исторической прозы Огай единодушно признана трилогия об ученых-энциклопедистах периода Эдо. Эти книги названы по собственным именам героев: "Сибуэ Тусай" (1916), "Идзава Ранкэн" (1917), "Ходзё Катэй" (1918). Они построены на строго документальной основе и вместе с тем в них вложена исповедь самого автора, его раздумья над смыслом жизни. Своеобразие стилистической манеры этих произведений состоит в том, что параллельно с жизнью героев Огай подробно освещает процесс собственной работы над их биографиями, т.е. он как бы обнажает свою творческую мастерскую.

Внимательно прослеживаются судьбы наследников эдоских ученых - их детей, близких и дальних родственников, их учеников. Восприятие истории как непрерывной цепи поколений характерно для всего творчества писателя. Современность для него всегда логически вытекала из прошлого.

Проза Мори Огай - не легкое чтение, причем, не только для иностранцев, но и для сегодняшнего поколения японцев. Она насыщена

исчезнувшими из быта реалиями, датами в старинном летосчислении, званиями и чинами, канувшими в Лету. Не случайно без обширных комментариев не обходится ни одно из современных переизданий писателя у него на родине.

Как этические, так и эстетические взгляды Огая покоятся на глубоко национальной традиции. Красота занимает почетное место на страницах его произведений. Так, в повести "Посмертное письмо Окицу Ягоэмон" два самурая смертельно поссорились из-за того, что один обвинил другого в непонимании ценности чайной церемонии. Это священное действо, похожее на религиозную службу или на медленный танец, достигло расцвета именно в период ожесточенных феодальных междоусобиц. В тишине и изысканной обстановке чайных павильонов отдыхала душа воина, опаленного битвами.

Завязка "Госпожи Ясуи" происходит во время подготовки к празднику девочек (хинамацури). Этот день отмечается ежегодно 3-го марта и ассоциируется с наступлением весны. Все традиционные элементы, сопутствующие этому торжеству, присутствуют в рассказе. Сестры-невесты украшают дом специальным набором кукол, гостья дарит им веточку только что расцветшего персикового дерева; сваху угощают рисовым вином-сакэ, чашечку которого непременно полагается испить по случаю "хинамацури".

Оба аспекта – эстетический и нравственный неразрывно сплетаются в сцене из "Семейства Абэ", когда на похоронах князя-даймё пара его любимых охотничьих соколов стремглав влетает в колодец и погибает в водной пучине. Подобно верным вассалам князя, соколы добровольно уходят за своим господином в небытие. Красота их поступка подчеркивается выразительной для японского глаза деталью: над колодцем расцветает развесистое деревце столь глубоко почитаемой японцами вишни-сакура.

Завершаются произведения Огая обычно на тихой, примирительной ноте. Наиболее типичны эпилоги, где прослеживается судьба рода героев – его наследники и потомки. Поток бытия – при всех его печалях – продолжается, – как бы говорит писатель, и это прекрасно. Такова была философическая мудрость Огая, его читатель проникается созерцательным настроением, подобно зрителю старинного спектакля Но.

Огай четыре года (1885–89) стажировался в университетах Германии. Он перевел многих европейских авторов, – среди опубликованного им впервые на японском языке такие шедевры мировой классики как "Фауст" Гёте, пьесы Лессинга и Г.Ибсена, рассказы и повести Д.Толстого, И.Тургенева, Ф.Достоевского... Сопоставительное изу-

чение отечественного и зарубежного наследия выработало в нем всеобъемлющий взгляд на культуру человечества. Его творчество передает ощущение единства, но и разницы двух миров – Востока и Запада. Как художник он остался глубоко национальным, чем и представляет особенную ценность для мирового сообщества. Его произведения высвечивают свою, никем до него не показанную сферу человеческого бытия. Вместе с тем они показывают, что ничто человеческое не чуждо людям и на другом конце планеты. Огай вписал свою, неповторимую страницу в сокровищницу мировой литературы.

Глубокое постижение жизни, помноженное на бесспорное художественное мастерство, создали ему заслуженную славу писателя-красника. Время не снижает к нему интереса. Писатель переиздается, изучается, переводится на иностранные языки – китайский, английский, немецкий, русский.

Е.Ю.Кнорзова

"ЗАПИСКИ О ПРОГУЛКЕ К ГОРЕ ФАТТИТЬ" КАК ОБРАЗЕЦ ВЬЕТНАМСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ДНЕВНИКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дневники были распространенным жанром в традиционных литературах дальневосточного культурного региона, но до сих пор их исследованию не уделено должного внимания. Так, детально изучена В.Н.Гореглядом японская дневниковая литература X–XIV вв. /4; 5/. По китайским дневникам XI и XII в. Е.А.Серебряковым сделаны две публикации /8; 9/.

Вьетнамская дневниковая литература до сих пор не исследована ни советскими, ни зарубежными учеными. Единственной работой, посвященной этой теме, является откомментированный перевод на французский язык одного из наиболее известных памятников вьетнамской дневниковой литературы – "Записей о путешествии в столицу" Ле Хью Чака (XIII в.) /1/.

Одной из распространенных разновидностей дневниковой литературы были путевые заметки. Особенности вьетнамских дневников этого типа я предлагаю рассмотреть на примере "Записок о прогулке к горе Фаттить", которые включены в сочинение, близкое по типу китайским "бицзи" и корейским "пхэсоль" – "Записки о том, как тучные посадки превращаются в синее море". Авторами этого сочинения, написанного на ханване (вьетнамский вариант китайского литературного языка вэньяня) в начале XIX в. являются Фам Динь Хо и Нгуен